

Информационный бюллетень НС

**NSDAP/AO : PO Box 6414
Lincoln NE 68506 USA
www.nsdapao.org**

#1160

08.06.2025 (136)

Гитлер на войне : Что произошло *на самом деле?*

А.В. Шаерффенберг

Часть 7

Глава 6: Кампания в Польше

Правда настолько хрупка, что для ее защиты нужен телохранитель из лжи."

Уинстон С. Черчилль

Когда война против Польши была практически выиграна, "Гитлер поднялся в рейхстаге, чтобы похвастаться своим триумфом над беззащитным народом". Так Уолтер Кронкайт, рупор традиционных историков и антинацистских пропагандистов, изобразил поляков 1939 года. С тех пор его образ стал исторической догмой, в которой Польша по-прежнему изображается миролюбивой страной, слишком робкой и маленькой, чтобы защитить себя от гитлеровских издевательств. Но, как уже говорилось в

предыдущей главе, поляки возмутили британских и французских союзников своим упорным отказом вести мирные переговоры. И они отнюдь не были "беззащитным народом". Поскольку современная Польша была создана после Первой мировой войны, маршал Юзеф Пилсудский продвигал обширные программы вооружения в соответствии со своей агрессивной внешней политикой. Он был известен как воинственный нарушитель спокойствия во всей Восточной Европе и вступал в стычки со всеми своими соседями, включая немцев Силезии, которые на самом деле были "беззащитным народом" в начале 1920-х годов, когда он оккупировал их земли, грубо нарушив международное право. Даже союзники, составлявшие Версальский договор, осуждали поляков за их трусливую виктимизацию разоруженных немцев.

Одновременно Пилсудский организовал полномасштабное нападение на СССР. Хотя оно и провалилось, он предотвратил контрнаступление Советов на Польшу. В день избрания национал-социализма к власти в Германии Пилсудский без провокаций отправил секретного эмиссара в Париж, где предлагалось совместное вторжение в Рейх. Плохо подготовленные французы пришли в ужас и отказались рассматривать его преступное предложение о развязывании необъявленной войны с государством, которое было слишком слабым, чтобы угрожать кому-либо, не говоря уже о воинственных поляках. Пилсудский был женат на еврейке, что объясняло его личную неприязнь к немцам в целом и к национал-социализму в частности.

Как уже упоминалось в предыдущей главе, в январе 1934 года польское правительство подписало договор о дружбе с Рейхом. В то же время Пилсудский направил своего посла Мильштейна в Литву, чтобы тайно склонить руководство этой прибалтийской страны к совместному военному союзу против Германии. Мильштейн, зять международного банкирского дома Ротшильдов в Париже, был прохладно принят литовцами, чья старая столица Вильнюс была захвачена и все еще удерживалась двуличным маршалом.

После его смерти от рака или яда в 1935 году польское производство оружия не прекратилось, но некоторые варшавские чиновники начали понимать самоубийственную глупость одновременного противостояния Сталину и Гитлеру и склонялись к *сближению* с новой Германией. Постепенно две страны сближались, пока сирена Буллита, поющая о легком завоевании, не убаюкала поляков. К августу 1939 года народные волнения против Гитлера в Польше достигли апогея, вылившись в безудержные выступления толпы против 1,5 миллиона немцев, проживавших в стране. Сколько из них было вытащено из своих домов, избито или забито камнями

до смерти разъяренным сбродом, точно никогда не установлено, хотя по оценкам Международного Красного Креста эта цифра превышает 3 000 мужчин, женщин и детей за двадцатилетний период, начиная с 1919 года. Только в течение 1939 года поляки убили около 500 немецких граждан. Швейцарские документы, документирующие польские зверства в отношении немецкого меньшинства, хотя и доступны для публичного ознакомления уже более 60 лет, являются забытым фактором в польско-немецких отношениях перед Второй мировой войной.

Пока британские военные стратеги совещались в Лондоне со своими польскими пешками, ведущая польская газета *Kurier Polski* публиковала заголовки с требованием: "Германия должна быть уничтожена!". (Goebbels, p.304). Истерические условия конца лета 1939 года описал капитан немецкого катера Вернер Хартманн. "В течение нескольких недель в Польше происходили волнения", - вспоминал он. "Газеты и кабаре высмеивали немецкий народ. Немецких граждан безосновательно обвиняли и арестовывали. Этнических немцев линчевали. Генерал Айронсайд (британский начальник Имперского генерального штаба) инспектировал польскую армию. Мегаломаничные военные с воздушными шарами говорили о битве при Темпельхофе (то есть Берлине) и "границе" на Эльбе. Данциг планомерно отрезали, а Гдинген - шизофреническое образование из полуфабрикатов, бетонных блоков и деревянных заборов вдоль моря - должен был стать великим портом Восточной Европы. Каждый день газетные заголовки сообщали о новых и все более тревожных проявлениях этого нарастающего шовинизма. Однажды они заявили, что польский флот подготовит для нас Саламину на Балтике, и волны станут красными от нашей крови вплоть до белых меловых скал Рюгена" (33).

Однако Гитлер не собирался играть на руку своим врагам, развязывая войну, исход которой никто не мог предугадать. Разочарованные его железным самообладанием, варшавские власти безумно приказали польским спецназовцам атаковать небольшой немецкий пограничный городок Глейвиц, который они фактически заняли 31 августа 1939 года. В общей сложности поляки совершили около 35 вылазок через восточные границы Третьего рейха, о которых никогда не упоминают придворные историки, стремящиеся представить Гитлера единственным агрессором. Даже сейчас он стремился к прекращению боевых действий путем переговоров. Как вынуждены были признать авторы антинацистской *Иллюстрированной энциклопедии Второй мировой войны* Маршалла Кавендиша, "немецкое вторжение в Польшу началось после того, как польский посол в Берлине отказался рассматривать предложения Гитлера о мирном решении проблемы Данцига и

Коридора" (22). Поскольку его страна подверглась нападению, фюреру не оставалось ничего другого, как отдать приказ о принятии контрмер. Соответственно, утром 1 сентября поляки получили желаемое, когда блицкриг обрушился на них, как гнев Божий.

Как раз в это время Дуче продемонстрировал свою решимость добиваться мира, потребовав созвать 5 сентября в Париже конференцию пяти держав "для рассмотрения пунктов Версальского договора, которые лежат в основе проблем". Гитлер согласился и заявил англичанам и французам, что прекратит наступление и выведет войска из Польши, если только ему позволят сохранить немецкий город Данциг. На эту вполне разумную просьбу западные демократии предпочли войну со всеми ее взаимными катастрофическими последствиями.

Польша вооружалась в течение двадцати лет. И одного взгляда на ее вооруженные силы достаточно, чтобы понять, что поляки вряд ли были "беззащитны". Они мобилизовали миллионную армию в тридцать современно оснащенных пехотных дивизий, подкрепленных "Национальной обороной" из 100 000 резервистов. *Кавендишская энциклопедия* описывает армию Польши как "одну из крупнейших в мире"(22). Польскую пехоту поддерживала бронетанковая бригада, насчитывавшая не менее 300 танков, что ставит крест на мифе союзников об оперенной кавалерии Польши как единственном средстве обороны. Поляки действительно имели конные полки (всего 37), но так же поступали и все остальные современные страны мира - включая Германию и США; кавалерийские части по-прежнему были неотъемлемой частью современной войны.

Неизвестно большинству студентов, изучающих Вторую мировую войну, но поляки имели современный флот, состоящий из пяти подводных лодок, четырех эсминцев, шести минных тральщиков и одного миноносца. Хотя по сравнению с другими флотами эти силы кажутся мизерными, они подходили для Балтики и, конечно, были более современными, чем их громоздкий противник, устаревший *Шлезвиг-Гольштейн*," который сделал первые немецкие выстрелы во Второй мировой войне. Военно-морские силы Варшавы продолжали сражаться еще долго после падения столицы в октябре 1939 года. Спустя полгода, например, 8 апреля 1940 года, немецкий транспорт *Рио-де-Жанейро*" был потоплен на Балтике польской подводной лодкой *Орзель*."

Авиапарк поляков насчитывал около тысячи самолетов. Усовершенствованный средний бомбардировщик P.37 "Elk" летал на 40 миль в час быстрее, чем лучший немецкий средний бомбардировщик Heinkel He 111H-16, хотя оба самолета несли эквивалентную полезную нагрузку в 5600

фунтов бомб каждый. Одномоторный бомбардировщик PZL P.23 был самым многочисленным типом самолета, состоявшим на вооружении польских ВВС в начале войны: 114 экземпляров служили в частях первой линии, а еще 11 были получены в качестве замены. Способный действовать с импровизированных аэродромов, прочный *Karas*, или "Карп", нес 1330-фунтовую бомбовую нагрузку на скорости 186 миль в час и был вооружен как спинным, так и брюшным пулеметчиками, что делало его более защищенным, чем немецкие аналоги, двухмоторные Messerschmitt-110 или пикирующие бомбардировщики *Stuka*.

Но главным истребителем польских ВВС стал проворный PZL P.11, высокоплан, выпускавшийся варшавской компанией *Panstwowe Zaklady Lotnicze*, Национальными авиационными заводами. Хотя P.11 был медленнее большинства своих противников из Люфтваффе, он отличался быстротой и высокой маневренностью. В руках опытного летчика (а многие польские летчики были превосходными авиаторами) P.11 был грозным противником. В большинстве историй Второй мировой войны не упоминается, что первая воздушная победа в Польской кампании была одержана одним пилотом P.11 над двумя средними бомбардировщиками Dornier. А 285 самолетов Люфтваффе, потерянных в ходе короткой кампании, свидетельствовали о боевых способностях польских ВВС.

В то время как Messerschmitt Me 109E превосходил польский самолет (как и все остальные истребители в мире того времени), P.11 был на уровне и даже превосходил модели преследования, на которых летали современные ВВС по всему миру. P.11 был не хуже, если не лучше российских бипланов Поликарпова, итальянских CR-42, Gloster *Gladiator* RAF, японских Mitsubishi A5M (американское кодовое название *Claude*) или американских Brewster *Buffalo* - всех фронтовых военных самолетов 1939 года. Польские самолеты не были "в значительной степени устаревшими", они были стандартными или лучшими для своего времени, а иногда, как в случае с *Лосем*, - самыми современными машинами.

В основных источниках информации о Второй мировой войне противники, побежденные национал-социалистами, неизменно изображаются слабыми или беззащитными, чтобы поддержать пропагандистский образ последователей Гитлера как хулиганов, которые никогда не смогут победить в честном бою. Их намерения очевидны и внеисторичны. Десятки тысяч погибших, пропавших без вести и раненых вермахта менее чем за месяц боев являются доказательством того, что немцы не просто прогуливались по Польше, чтобы одержать легкую победу. Назвать польское сопротивление "тщетным" или "жалким" - значит унижить сухопутные войска, моряков и

летчиков, которые так умело и храбро сражались за свою страну, преданные западными союзниками и своими собственными лидерами. Как публично признал сам Адольф Гитлер в Данциге после окончания кампании: "В этот момент давайте отдадим полную справедливость польским солдатам. Поляки храбро сражались во многих местах. Их унтер-офицеры делали все возможное. Их офицерам не хватало ума. Их верховное командование было абсолютным неудачником. Их организация была просто польской".

Лучшего примера истинности его оценки не найти, чем оборона поляками Вестерплатте перед портом Данциг. С 1924 года они тайно строили на полуострове крупный военный транзитный объект вопреки обещаниям варшавских политиков и переговорщиков Лиги Наций, пытавшихся умиротворить потенциальный очаг напряженности между Германией и Польшей. По словам польского историка Мацея Йонаша, "следует отметить, что расположение подвальных позиций (вооруженной цитадели) должно было быть скрыто, поскольку их существование запрещалось условиями соглашения, регламентировавшего существование объекта. Их держали в секрете даже от младшего сержантского состава караула, который менялся каждые полгода. Только офицеры и старшие сержанты знали о подземных боевых позициях..." (66). Под этой завесой строгой секретности скрывалась укрепленная бетоном современная вооруженная установка, состоящая из многочисленных пулеметных постов, минометов и артиллерии, укомплектованная ротой элитных войск. Существование такого тайного, даже нелегального укрепления за *пятнадцать лет* до начала Второй мировой войны свидетельствовало о подготовке Польши к конфликту с Германией, причем задолго до вступления в должность Гитлера, которого до сих пор обвиняют в провоцировании военных действий с Польшей.

1 сентября немцы, забыв об обороне, начали лобовую атаку на Вестерплатте, но не успели приблизиться к скрытой цитадели, как их бронированная атака была разбита 75-мм полевым орудием поляков. На помощь пришел старый военный корабль из ушедшей эпохи дредноутов - *Шлезвиг-Гольштейн* 1909 года постройки. Йонаш пишет, что польская полевая артиллерия "была замечена наблюдателями линкора, и по ней был немедленно открыт шквальный огонь. Первый морской снаряд попал в ствол дерева, под которым находилось 75-мм орудие, а два следующих прошли достаточно близко, чтобы полностью вывести орудие из строя. (Впоследствии орудие было отремонтировано и использовалось немцами, завершив свою карьеру в Сталинградском кармане)" (68, 69).

Старый и выносливый боевой конь не сдавался, нанося все больше прямых попаданий по объекту. "Этот жестокий шквал, во время которого линкор

обстреливал объект из своих огромных орудий с расстояния всего 400 метров, продолжался до 9:00 вечера. Это заставило поляков эвакуировать Стронг-пойнт Пром, персонал которого был оттянут для помощи в охране караульного помещения №1. Прапорщик Грычман свидетельствовал об интенсивности огня, когда он отдал приказ отступать: "Я пережил две войны, но никогда не видел ничего подобного!"

Польский Вестерплатте продержался неделю против немцев, которые могли проявить рыцарское отношение к решительному противнику. "После капитуляции, - сообщает Йонаш (71), - польским офицерам было разрешено оставить свои сабли в знак уважения, которое защита заслужила среди противников". Поляки потеряли 15 человек, в то время как от 200 до 300 их противников лежали мертвыми.

Против 30 польских дивизий, одной бронетанковой бригады и 842 боевых самолетов Германия имела 106 дивизий, шесть бронетанковых дивизий и 3000 боевых самолетов. Однако это сравнение вводит в заблуждение, поскольку более половины этих сил вермахта должны были быть готовы в любой момент к отражению ожидаемых атак Великобритании и Франции на западе. Хотя немцы имели численное и технологическое превосходство над поляками, их преимущество было не таким явным, как кажется на бумаге.

Польские лидеры никогда не питали иллюзий по поводу того, что они смогут победить Гитлера в одиночку. Их стратегия задержки немецкого наступления до тех пор, пока западные союзники не придут им на помощь, была, конечно, полностью основана на обещаниях Великобритании и Франции. Генерал Тадеуш Кутржеба, директор Польской военной академии, прославившийся во время кампании как командующий контрнаступлением на реке Бруза, знал, что "придется ждать помощи от Франции. Польше придется полагаться на собственные силы в течение шести-восьми недель, даже если французы отреагируют быстро". Но фюрер не собирался давать им столько времени. Французский главнокомандующий, генерал Гамелен, заявил: "Я прекрасно знаю польскую армию. Ее войска превосходны, а командиры выше всяких похвал. Поляки будут держаться, и мы не будем терять времени, чтобы прийти им на помощь. Поляки продержатся не менее шести месяцев, и мы придем им на помощь через Румынию".

Но такое мышление было основано на устаревших стратегиях Первой мировой войны. Командиры союзников предполагали, что им потребуется не менее трех недель на подготовку своих сил, а к этому времени немцы уже завершили войну в Польше. Потрясенные быстрым продвижением вермахта, французы попытались провести операции против обороны западной Германии между реками Рейн и Мозель. Но из-за безответственности

комитетов и коррупции, свойственной демократическим странам, Франции потребовалась неделя на организацию атаки.

К тому времени она была начата преждевременно и не слишком успешно. Поскольку немцы продвигались в Польшу гораздо быстрее и глубже, чем это представлялось союзному командованию, генерал Гастон Претелят, руководивший наступлением, оказался под сильным политическим давлением, требуя немедленно атаковать западную Германию, готова она или нет. Он спешно собрал 31 дивизию, включая 14 частей первого эшелона, из французской 2-й армейской группы. Несмотря на столь внушительные силы в его распоряжении, Претелят безрассудно двинулся вперед против подавляюще превосходящей по численности 1-й немецкой армии, насчитывавшей всего 17 дивизий. К своему ужасу, французы обнаружили, что линия Зигфрида, защищающая немецкую границу, находится слишком далеко позади фронта, что вынуждает их артиллерию оказываться под огнем противника, прежде чем они смогут вступить в бой с оборонительными сооружениями. Более того, линия Зигфрида оказалась неприступной для 155-мм снарядов. Даже после того, как французы подтянули свои 220-мм и 280-мм орудия - самые большие орудия на Земле, - оборона линии Зигфрида из железобетона осталась невредимой, хотя артиллерия Претелята была быстрой и очень точной. Линия Зигфрида выстояла, придав новый смысл термину "немецкая сталь".

Тем временем 4-я армия генерала Эдуарда Рекена, опираясь левым флангом на Саар, захватила 7,5 миль немецкой территории. В то же время 3-я армия генерала Конде заняла участок леса Варндт. С этих позиций Претелят готовился к прямому наступлению на линию Зигфрида, которое должно было открыться 17 сентября. Но к тому времени Варшава была осаждена, а польские армии разгромлены. Дальнейшие операции казались бессмысленными, поэтому они были отменены. По иронии судьбы, запланированная дата наступления Претеля пришлось на тот же день, когда русские войска вошли в восточную Польшу - событие, которое должно было быть скоординировано с Францией, чтобы зажать Германию между ними. Но французы хотя бы попытались выполнить свою часть сделки, пусть и наполовину. Англичане, от которых поляки получали всевозможные твердые заверения в военной помощи, даже пальцем не пошевелили, чтобы помочь им. У англичан не было ни средств, ни намерения спасти Польшу, за которую они теперь жаждали вести войну с Германией, под каким бы предлогом она ни велась.

По-настоящему разгромить поляков и одновременно остановить любые наступления западных союзников удалось благодаря тесному

сотрудничеству между быстро продвигающейся моторизованной бронетехникой и Люфтваффе. Такая новаторская координация зависела от местных командиров воздушных сил, работавших в согласии с офицерами на земле. Эта уникальная, высокоэффективная межведомственная комбинация была неизвестна в классово-сознательной структуре ненационал-социалистических военных кругов. Она стала результатом духа классового сотрудничества, которым Адольф Гитлер вдохновлял свой народ. Юнкерские Ju 87 Stukas служили летающей артиллерией, пробивая бреши во вражеских позициях, через которые в огромных количествах прорывались танцы.

Это беспрецедентное тактическое применение самолетов и танков было задумано шефом люфтваффе рейхсмаршалом Германом Герингом как лучшее средство выбить Польшу до того, как французы успеют организовать серьезную угрозу слабой обороне западной Германии. Соответственно, немецкие авиадивизии пробили огромные бреши в укреплениях Польши вдоль границы. Через них утром 1 сентября ворвался авангард вторжения группы армий "Юг". Бомбардировщики "Юнкер", "Хейнкель" и "Дорнье" продолжали обрывать жизненно важные линии вражеских сил на земле, особенно все дороги и железные дороги, по которым польские подкрепления и припасы доставлялись на фронт. Они изолировали поле боя за полем, тем самым разрушая коммуникации и транспорт и предотвращая массированные контратаки против танцев.

Важнейшей целью этого первого *блицкрига*, или "молниеносной войны", было немедленное уничтожение опасных польских ВВС на земле. Но Люфтваффе поймали и уничтожили только 30 вражеских самолетов, все еще стоявших у своих ангаров. Поляки грамотно распределили свои боевые самолеты по всей стране на многочисленных аэродромах. Следовательно, их ВВС должны были быть уничтожены в воздушном бою. И они были уничтожены. Р-23 активно действовали в первые две недели кампании, атакуя немецкие моторизованные и танковые колонны. Но пилоты "Мессершмиттов" уничтожили пикирующие бомбардировщики еще до того, как большинство из них смогли приблизиться к цели. Именитые подразделения *"Карась"* понесли потери более 85 %, оставив лишь 17 "Карпов", которые перебрались через границу в Румынию, где были бесславно конфискованы.

Но поляки сражались с доблестной решимостью. 7 сентября польские ВВС одержали величайшую воздушную победу, сбив за один бой 15 немецких самолетов. В Варшаве действовала самая современная система раннего предупреждения, которая застала врасплох летчиков Люфтваффе. Когда бы они ни прибыли в польскую столицу, их уже ждали стаи истребителей Р.11.

По словам майора польских ВВС Ф. Калиновского, "летом 1939 года вокруг Варшавы была создана сеть наблюдательных постов для раннего оповещения о приближении вражеских самолетов, которые должны были передавать информацию по радио и телефону в оперативный штаб бригады преследования, откуда отдавались все приказы на штурмовку".

Пока пилоты Люфтваффе сражались за контроль над небом, они отвлекались от своей главной цели: поддержки своих боевых товарищей на земле. В результате с 15 по 18 сентября польские 11-я и 38-я дивизии "группы Соснковского" разгромили три попытки окружения, предпринятые немецкой 14-й армией. Маршируя всю ночь и сражаясь днем, поляки разгромили все попытки вермахта помешать им переправиться через стратегически важную реку Сан. При этом они захватили у немцев 20 артиллерийских орудий и 180 автомобилей. Ранее танки 4-й танковой дивизии были отбиты во время неудачной внезапной атаки на Варшаву. Когда 35-й танковый и 12-й стрелковый полки продвигались через столичные предместья, они попали под интенсивный огонь артиллерии, направленный из самого города. Понеся тяжелые потери, они были вынуждены отступить. Но недалеко от них ворвалась могучая 10-я армия. Она подошла к Висле у Гора-Кальварии, где полностью разгромила элитную армию Лоца.

Ужаснувшись быстрому уничтожению своей главной боевой силы, маршал Рыдз-Смиглы, главнокомандующий Польши, отдал приказ об общем, затягивающемся отступлении на восток. Мощные Поморская и Познанская армии в составе четырех пехотных дивизий и двух кавалерийских бригад - целой армейской группы - возглавили этот боевой отход в направлении Варшавы. Они заняли позиции под Кутно, у реки Бзура, примерно в 65 милях к западу от столицы, под командованием генерала Кутржебы. 10 сентября, пытаясь переправиться через реку, поляки столкнулись с численно уступающей немецкой 10-й армией, которая подошла со стороны Лодзи, чтобы преградить им путь.

Захватив инициативу для начала собственного контрнаступления, поляки с яростной решимостью перешли в атаку, захватили плацдармы у Ловича и отбросили назад немецкую 30-ю пехотную дивизию. 10-я армия оказалась отрезанной от снабжения, и весь фланг группы армий вермахта "Юг" внезапно оказался под угрозой. Надвигалась страшная катастрофа, и вся кампания оказалась под угрозой срыва, когда на помощь прилетели люфтваффе. Совершая по восемь и более вылетов в день, штурмовики Henschel 123 и пикирующие бомбардировщики Stuka наносили удары по захваченным противником плацдармам, парализуя польские оборонительные

позиции вокруг Дзялошина и Ченстоховы. Двухмоторные "Мессершмитты" Me-110 обстреливали большие скопления лучших войск генерала Кутrzeбы, которые были еще больше уничтожены вылетами средних бомбардировщиков "Дорнье" и "Хейнкель". Поляки и их лошади сходили с ума от паники под продолжительным шквалом падающих бомб и снарядов.

Теперь немецкая 8-я армия могла соединиться с осажденной 10-й, и дальнейшие удары с воздуха позволили ее моторизованным и панцерным дивизиям продвинуться на север и ударить во фланг объединенным армиям Поморже и Познани. Словно раненые змеи, они набросились на немцев в районе Ловича и Сохачева, где шли невероятно жестокие рукопашные бои, пока поляки не были постепенно зажаты и отрезаны у Кутно. Неделя напряженных боев, в которых участвовали целые дивизии, закончилась 10 сентября капитуляцией 170 000 польских солдат.

Мгновенно повторив свой успех, бомбардировщики Люфтваффе набросились на польскую 7-ю дивизию, все еще державшуюся под Ченстоховой. Целый день безостановочных обстрелов и бомбардировок Люфтваффе 4 заставил всю дивизию *массово* сдаться - впервые воздушные силы вынудили наземные части такого размера сложить оружие. Всего пять дней спустя пилоты Luftflotte 4 повторили свою историческую победу, когда заставили сдаться еще большее количество вражеских войск к югу от Радомы, где поляки были окружены железным кольцом танков.

Битва при Бзуре подошла к концу, но не надежды Ридз-Смиглы на то, что, задержав продвижение вермахта, он сделает возможным французское наступление на запад Германии. На самом деле люди генерала Претеля уже начали наступление на линию Зигфрида. Французское вмешательство действительно начало оказывать влияние на Польскую кампанию, так как Геринг внезапно отозвал еще 400 средних бомбардировщиков на Западный фронт, как раз в тот момент, когда воздушные операции над Варшавой должны были начаться против ее решительных защитников, играющих на время. Громоздкие транспортники, почтенные Юнкеры Ju-52, были срочно переведены на службу в качестве бомбардировщиков - роль, для которой они совершенно не подходили. Всего тридцать "тетушек Джус" были упакованы ящиками с двухфунтовыми фосфорными зажигательными бомбами. Их буквально вытаскивали из дверей грузового отсека по два солдата, прикрепленных к каждому "Юнкерсу"!

Чтобы как можно быстрее закончить Польскую кампанию, Гитлер впервые вмешался в ход боевых действий. До сих пор он предоставлял своим генералам свободу действий в ведении войны. Но они действовали недостаточно быстро. Фюрер хотел выбить Польшу за три недели -

достаточное время, чтобы подготовить оборону против ожидаемого нападения союзников с запада, которое, по сути, уже началось. Чтобы уничтожить остатки польских войск к востоку от Вислы, он приказал 14-й армии двигаться на северо-восток от Львова. Ее XIX танковый корпус попал в ловушку, и кампания была практически завершена. Теперь Варшава была полностью окружена. Поскольку все вооруженные силы Польши были либо уничтожены, либо разгромлены, оборона столицы была бессмысленной. Немцы приказали защитникам мирно сдаться, избежав тем самым ненужного кровопролития. Однако поляки все еще верили в свое спасение от западных союзников и отказались. В ответ Геринг всего за 48 часов сосредоточил 1776 бомбардировочных вылетов, вынудив Варшаву капитулировать 27 сентября. Ее защитники не подверглись насилию, но были удостоены воинских почестей со стороны генерала Бласковица, командующего немецкой 8-й армией, - жест, который прекрасно отразил рыцарское и человеческое чувство вермахта, качества, которые, как позже выяснилось, в основном отсутствовали у союзников.

Кампания была короткой, но жестокой: 10 572 немца погибли, 3 400 пропали без вести (считаются погибшими) и 30 322 были ранены. Более 694 000 поляков были взяты в плен. Перед капитуляцией Варшавы Рыдз-Смиглы, Бек и все остальные, чья самонадеянность и жадность привели к этому, оставили польский народ посреди его страданий, бежав в Румынию. Именно отсюда обещанные генералом Гамеленом французские войска должны были вовремя спасти Польшу. Но все, что польские заговорщики нашли в Румынии, - это интернирование. Другие поляки бежали в Англию, ту самую страну, которая предала их страну, чтобы продолжать безмозглую, самоуничтожающуюся борьбу с Гитлером. Как оказалось, эти беспримерные глупцы дожили до того дня, когда советский союзник их двуличных британских товарищей был разоблачен за казнь около 15 000 поляков в Катынском лесу в апреле 1943 года.

Когда просоюзнический глава польского правительства в изгнании генерал Владислав Сикорский потребовал расследовать это злодеяние, британские секретные службы убили его три месяца спустя в подстроенной авиакатастрофе в Гибралтаре, опасаясь, что он оттолкнет Сталина в тот момент, когда Британия нуждалась в советском участии. Отмахнувшись от массовых убийств своих польских союзников, которые ранее принесли им столько пользы в пропагандистском плане, Черчилль и Рузвельт полностью избавились от них на печально известной Тегеранской конференции, когда они передали Польшу целиком советским демонам.

Напротив, Гитлер хотел сохранить независимое польское государство, но

ему помешал Сталин, который требовал раздела Польши в качестве платы за свою невоинственность (*Cavendish*, 37). Советы, конечно, не имели права на особые условия, поскольку они лишь в незначительной степени выполнили свою часть договора о ненападении, вторгнувшись в Польшу *после того, как* 17 сентября уже было принято решение о начале кампании. Они боялись поляков, которые чуть не свергли их коммунистическую империю менее чем за двадцать лет до этого, когда армии маршала Пилсудского вторглись в СССР. Отсюда их трусливая месть этому побежденному народу.

Польское предательство, казалось, питалось само собой. В августе 1944 года по призыву советской радиопередачи, обещавшей массированную поддержку со стороны России, поляки подняли вооруженное восстание против немецких оккупационных властей. **Ваффен-СС** ответили на это, превратив польскую столицу в дымящиеся руины в результате атак, гораздо более разрушительных, чем воздушное наступление Люфтваффе в 1939 году. В то время как поляки вели очередную, безумную, заранее обреченную на провал битву с немцами, они видели на восточных подступах к Варшаве войска Красной Армии, готовые прийти на помощь. Но Сталин приказал своим войскам отступить и позволить полякам "вариться в собственном соку". Когда англичане попросили разрешения хотя бы с воздуха доставить в Варшаву припасы, он отказал. Вскоре после этого восстание было разгромлено с большими человеческими жертвами. И снова поляки позволили обмануть себя прозрачными обещаниями иностранцев, которые считали свою страну не более чем пешкой в чужих целях.

Все это и многое другое поляки получили за отказ рассмотреть рациональную просьбу Адольфа Гитлера: вернуть один-единственный город, который им не принадлежал. Каким ничтожным, даже мелочным кажется этот вопрос, который можно было обсудить, по сравнению с огромной панорамой разрушений, смертей и страданий, которые последовали за этим для Польши и всего мира!

Без сомнения, ни одна страна на Земле не смогла бы разгромить миллионные вооруженные силы Польши менее чем за месяц. Планы союзников задержать немецкое продвижение и тем самым дать Франции достаточно времени для наступления на западе были обоснованными по стратегическим стандартам того времени. Никто, даже генералы самого Гитлера, не верил, что поляков можно одолеть менее чем за три недели. Именно ему принадлежит большая часть заслуг в победе, в первую очередь благодаря его настойчивости в использовании воздушных сил для поддержки наземных войск и огромному окружению вражеских сил к востоку от Вислы, где поляки потеряли всякую надежду на длительное

сопротивление.

Кампания действительно стала триумфом национал-социалистического гения и мужества над мелкими заговорщиками, пытавшимися сокрушить величайшую надежду белой расы. Но она также стала катастрофой для ценного народа, преданного алчными политиками и иностранцами с внепольскими целями. Хуже того, взаимное истребление арийцев в Польше в 1939 году стало трагедией для Западной цивилизации, где началась Великая братоубийственная война и настоящий упадок Запада.

**НСДАП/АО — крупнейшая в мире
Поставщик национал-социалистической пропаганды!**
Печатные и электронные периодические издания на многих языках
Сотни книг на многих языках
Сотни веб-сайтов на многих языках

